

Василий Ян

Юность полководца

ФТМ

Василий Ян

Юность полководца

«ФТМ»

1952

Ян В.

Юность полководца / В. Ян — «ФТМ», 1952

ISBN 978-5-4467-0565-8

Повесть «Юность полководца» посвящена князю Александру Невскому и рассказывает о заслугах князя в качестве организатора обороны Великого Новгорода от натиска шведов и Тевтонского ордена в начале 40-х гг. XIII в. При этом автор показывает, что Новгород под руководством этого князя был той частью «русской земли», которая сохранила не только какую-то независимость от Орды, но и очевидную боеспособность в борьбе с агрессией западных соседей.

ISBN 978-5-4467-0565-8

© Ян В., 1952

© ФТМ, 1952

Содержание

Глава первая	5
Первая опасность	5
Глава вторая	9
Учитель-зверобой	9
В лесной глуши	11
Нежданная беда	13
В ночь под Ивана Купалу	15
Даниил Острословец	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Василий Ян

Юность полководца

Глава первая

Сокол улетел

Первая опасность

В этот день, с утра, оба княжича, Федор и Александр, рано пришли в свою светлицу, где их уже поджидал иеромонах Варсонофий со старой книгой Псалтыри. Усевшись за стол и водя деревянными «указками» по строкам, оба мальчика стали читать нараспев старинные псалмы. Косой луч утреннего солнца, пробившись сквозь оконце с заморскими цветными стеклышками, яркими пятнами падал на пожелтевшие страницы большой книги.

Когда чтение окончилось, отец Варсонофий положил перед мальчиками по небольшому листу харатья¹, и княжичи стали выводить гусиными перьями замысловатые буквицы, стараясь подражать буквам Псалтыри.

– Теперь пишите, будто вы сами ведете летопись, что было у нас в Новгороде этой зимой: «В 6737 году² южный ветер разметал лед на Ильмень-озере и погнал его в реку Волхов, сорвав девять устоев главного моста...»

Младший княжич, Александр, недовольно сказал:

– Отче Варсонофий! Зачем нам писать про ненастье, про ветер? Не буду я этого писать! Ты нам лучше прочти, как наш батюшка с чудью, емью³ и немцами воевал.

– Ладно, сынок! Сейчас я вам поведаю о походах князя Ярослава Всеволодовича, а потом вы, не торопясь, запишете это на своих харатях.

Варсонофий достал из небольшого окованного сундучка, стоявшего под скамьей, толстую книгу и стал медленно читать:

– «В 6731 году (1223 г.) прибыл князь Ярослав в Новгород, и новгородцы были рады.

В ту же зиму пришли литовцы и воевали около Торжка. Их было семь тысяч. Они захватили всю Торопецкую волость и причинили Торжку много бед. Но пришел князь Ярослав, и Литва отступила, а Ярослав погнался за ними, отнял у них коней, разбил их и многих порубил. Литва ушла обратно, а сам Ярослав вернулся невредимым, и дружина его – с огромной добычей».

Александр заколотил руками по столу и воскликнул:

– Отче Варсонофий, родненький! Прочти еще что-нибудь про воинские походы батюшки! А потом я все запишу.

Варсонофий задумался и сказал:

– Трудное житие вашего батюшки, мудрого князя Ярослава Всеволодовича. Много походов совершил он и всегда возвращался с честью и славной победой. Не позволял никому вторгаться в наши исконные дедовские земли. Вот, к примеру, что записано в нашей летописи: «В 6736 году (1228 г.) приплыли в лодях враги из племени емь воевать в Ладожское озеро, и об

---

¹ Харатья – квадратный кусок бараньей или козлиной кожи, вываренной и высокобленной, на которой в то время писались документы и книги.

² Тогдашнее летосчисление велось «от сотворения мира». Для перевода на наше летосчисление следует из древней даты вычесть 5508.

³ Чудь – эсты, емь – финны.

этом пришла весть в Новгород. Новгородцы, сев на насады⁴, поплыли на веслах в Ладожское озеро под начальством князя Ярослава. Он погнался за врагами и бился с ними до ночи, когда ешь отступила в Островлец. В ту же ночь враги запросили мира, а сами убежали в лес, бросив свои лоды. Тогда много их пало...»

Княжич Федор слушал рассказ равнодушно. Александр же запрыгал на скамье:

– Спасибо тебе, отче Варсонофий! Любо мне узнавать про войну и про походы смелого батюшки нашего. Скорей бы мне вырасти! Тогда он меня с собой возьмет, а уж я покажу...

Худое лицо Варсонофия осветилось ласковой улыбкой:

– Ладно, вояка! Придет и твой час! А теперь берите да переписывайте то, что я вам прочел, да пишите внимательно, чтобы ничего не пропустить.

Он положил на стол книгу в кожаном темном переплете. Две русые головки склонились над ней, и мальчики принялись за письмо, старательно выводя затейливые буквы.

Скромного наставника радовали успехи мальчиков, особенно пытливого и любознательного Александра, но в этот день на душе его было тревожно.

В это утро, подходя к мосту через Волхов, Варсонофий задержался. Телеги с кладью, перехваченной веревками, громыхали, проезжая по поперечным бревнам деревянной мостовой. Рядом с прежним мостом строился новый. Плотники, стуча молотками и топорами, тащили бревна и доски и ловко, искусно их соединяли с помощью деревянных же клиньев. Прохожие столпились при въезде на мост. В образовавшемся заторе два степенных новгородца, пожилых, по виду – бояре или богатые купцы, – громко разговаривали, не обращая внимания на окружающую их толпу:

– Переяславцы нынче с умыслом задерживают наши ладьи с хлебом. Слыхал я, что на волоках⁵ проезд совсем остановился. Это ими делается, чтобы поднять цену на жито.

– Надобно просить князя Переяславльского Ярослава Всеволодовича облегчить нашу участь. Ведь он крепко обещал всегда поддерживать новгородцев в нужде. Да только теперь ему не до нас. Видно, махнул он рукой на Новгород с той поры, как нас покинул.

– Нет, он поможет! – уверенно ответил другой. – Иначе зачем бы он оставил своих обоих сынков у нас в Новгороде, словно в талех!⁶

– А что с того, что в талех? Они живут на свободе в городище⁷. Долго ли им сбегать в Переяславль!

– Что же нам, по-твоему, остается делать?

– Немедля заточить обоих княжат в монастырь. Тогда и князь Ярослав опомнится и пришлет выкуп. Вот тут и двинутся к нам опять из Суздаля и Переяславля торговые насады и привезут жита.

– Сегодня же скажем на вече, чтобы привели напоказ обоих княжат, а там все и сделаем.

– Не знаешь ты, что ли, князя Ярослава? Он только пуще гневом распалится.

– Видать, на вече сегодня дело миром не кончится. Будет встань⁸ промеж сторонников Ярослава и его врагами.

В это время телеги двинулись, людской затор рассосался, и обеспокоенный Варсонофий поспешил дальше. С горечью он думал: «Не могут новгородцы жить без неурядиц и споров! А что им надобно? Два малолетних княжича, сынки Ярослава Всеволодовича, у нас уже сидят,

---

⁴ Насады – большие лодки с прибитыми (насаженными) по сторонам досками.

⁵ Волок – так назывался перевал с верховьев рек различных бассейнов, через который суда волочили (тащили) сухим путем, «волоком». Одним из главных волоков был новгородский, между реками Мстой и Твердой. От этого получил свое название город Вышний Волочек.

⁶ В талех – заложниками.

⁷ Городище – подразумевается «Рюриково городище» – усадьба, обнесенная стеной, где жили князья, правители Новгорода. Городище находилось в трех верстах к югу от города.

⁸ Встань – мятеж, междоусобица.

никому они не мешают, а правят за них наш старый посадник да вече. Оно наш главный хозяин».

Урок подходил к концу. Топот ног на скрипучей лестнице заставил всех прислушаться. В светлицу вбежал Шостак Орешко, любимый дружинник-медвежатник князя Ярослава. Заложив дверь засовом, Орешко отер вспотевшее лицо поллой кафтана.

– Беда! Ой, беда надвинулась! – говорил он, задыхаясь. – Надо княжатам немедля бежать из Новгорода! Люди бесчинствуют, кричат: «Пора вытравить племя Ярославово и призвать Мстиславичей!»

Варсонофий в ужасе соединил ладони.

– Какая же вина может быть на малых детях?

– Да та, что сейчас Борисова чадь, сторонники боярина Бориса Негочевича, договариваются с князем Мстиславом; хотят спиною повернуться к Суздалю и Владимиру, а стало быть, и к великому князю Ярославу. А откуда тогда новгородцы будут хлеб для себя привозить? Ведь с хлебом у нас скудно: в прошлые годы заморозками все хлеба побило.

Говоря это, Шостак Орешко высунулся в окно, выходящее на задний двор, и свистнул.

Послышался ответный свист, Шостак крикнул:

– Мы готовы, сейчас придем! – Потом, обратившись к мальчикам, сказал: – Боярина Федора Даниловича, вашего пестуна⁹, я уже предупредил; это он вместе с тиуном¹⁰ Якимом ждет вас с конями... Одевайтесь скорее и поспешайте!..

Крики и шум во дворе усилились.

Оба мальчика пытались тоже выглянуть в окно, но отец Варсонофий оттаскивал их и торопил, помогая одеваться.

Лестница снова заскрипела, и глухие удары потрясли дверь.

– Что вам надо? Уходите, откуда пришли! – закричал Орешко.

– Открывай, или я высажу дверь!..

Дверь шаталась, трещала и наконец соскочила с кожаных петель.

В светлицу ввалился толстый, грузный Фома Полуэктов, богатырь с большой бородой, падавшей на грудь. Все в Новгороде знали этого богатого мясника. Его крепкая рука, обросшая рыжими волосами, сжимала длинный узкий блестящий нож, каким он обычно колот свиней.

– Это, что ли, княжата? – сказал мясник, делая шаг в сторону мальчиков.

Федя и Олекса, прижавшись друг к другу, стояли в углу позади стола.

– Я не хочу! Не хочу! – закричал Федор.

Княжич Александр блестящим взглядом расширенных глаз молча внимательно следил за всем происходящим, и страха не было на его лице.

Фома Полуэктов пришел не один. Его молодой подручный, разинув рот, с мешком в руке стоял, загораживая двери, готовый исполнить приказание хозяина.

– Эй, вы, жеребятки, подьте-ка сюда! – прогудел Полуэктов.

– Побойся Бога! Что ты замыслил? – закричал Варсонофий, шагнув вперед и высоко подняв серебряное распятие. – Отойди, безбожник!

– Не вступайся не в свое дело, отец честной! Мне велел боярин Борис Негочевич привести на вече обоих княжат, а если заупрямятся, то принести их. Вот и два мешка наготове.

– Не посмеешь ты такой смертный грех взять на душу! – кричал в испуге Варсонофий, загораживая дорогу мяснику с ножом.

– Не я тут хозяин. Ежели вече решило притащить обоих княжат для показу...

– Врешь ты! Не вече решило, а Борисова чадь, кучка бояр, приспешников Негочевича.

---

⁹ Пестун – воспитатель.

¹⁰ Тиун – должностное лицо, выполнявшее различные поручения князя, в том числе решавшее и судебные дела.

Мясник хотел оттолкнуть монаха, но тут вмешался Шостак Орешко. Высокий, сильный и ловкий, он не раз один на один выходил на медведя... Набросившись на Фому Полуэктова, он сбил его с ног.

Полуэктов охнул, грузно осел на пол, затем, хрипя, повалился на спину. Его подручный, видя неудачу хозяина, кинулся вон из светелки и загромыхал, скатываясь по лестнице.

Шостак зацепил веревкой под мышками сперва Федора, потом Александра и поочередно спустил мальчиков через окно во двор.

– Слушай, отец Варсонофий! – сказал Шостак перепуганному монаху. – Наверное, сейчас сюда придут бояре или другие смутьяны новгородские. Скажи им, что мясника Полуэктова за бесчинство в княжеских палатах маленько помял княжий ловчий-медвежатник Шостак Орешко... Желаю тебе здравствовать, а я с княжатами буду держать путь на Переяславль, к великому князю. Оттуда, быть может, князь вернется сам, чтобы навести в Новгороде суд и расправу над здешними лиходеями и отогнать напирających на нашу землю недругов.

Привязав веревку за ножки тяжелого дубового стола, Шостак земно поклонился отцу Варсонофию, коснувшись пальцами пола, и, с трудом протиснувшись в окно, спустился во двор.

Отец Варсонофий, обратившись к темной иконе, крестясь, шептал:

– Пронеси мимо нас, о Господи, грозную тучу сию!..

А тем временем, быстро удаляясь от Новгорода, глухими лесными тропами уже мчалась по направлению к Переяславлю-Залесскому группа всадников.

– Нынче вы увидели, – говорил Шостак княжатам, – какие у нас бывают смутьяны. Будьте впредь сторожками, а ежели когда-либо станете править Новгородом, то таких смутьянов, как бояре Негочевици да Ноздрилины, и их бесчестных подвывал остерегайтесь, ровно лютых зверей. С простыми же новгородцами вы поладите – они народ прямой и душевный.

Глава вторая Медвежонок растет

Учитель-зверобой

Благополучно добравшись из Новгорода до Переяславля-Залесского, оба княжича поселились у отца, князя Ярослава Всеволодовича, и мирно там прожили несколько лет, обучаясь книжному разумению у иеромонаха Варсонофия. Александр подрастал высоким, стройным отроком. Слишком задумчивый для своих лет, от своих братьев он держался как-то в стороне. Любил один уходить на озеро и, взяв лодку, забирался в камыши, где все норовил стрелой подшибить птицу. Отец не раз тревожился, когда он пропадал подолгу, и поручил старому дружиннику Афанасию Тыре следовать повсюду за беспокойным отроком и его оберегать. Но Александр просил отца освободить его от докучного надзора:

– Прости меня, государь батюшка! Очень уж Афоня мне помеха: я заберусь в камыши и затаюсь там, как мертвый, чтобы не вспугнуть птицы, Афоня же дремлет и сопит, словно бык, а то ворочается, шуршит без надобы. Утица и взлетает до сроку, и хорошая каленая стрелка зря пропадает.

– Ладно, потерпи! – отмахивался отец. – Знаю, кого тебе надо.

И когда прошли весенние деньки, князь Ярослав призвал к себе сына. В думной горнице у двери стоял прославленный охотник Ерема-медвежатник. Он принес в дар князю две связки рыжих лисьих шкур, а на полу перед ним лежала еще большая, как теленок, козуля с темно-синими полуоткрытыми мертвыми глазами. Охотник держал в руках облезлый собачий треух. На голове взлохматились густые серебряные кудри. На грудь спускалась окладистая борода. Окинув охотника пытливым взглядом, Александр заметил, что он не намного выше его, но пошире в плечах и что потертый зипун на нем испещрен заплатами. На ногах прочные кожаные порты, а ступни обернуты звериными шкурками.

Ерема уставился на Александра прищуренными острыми глазками.

– Вот тебе тот знающий матерый зверобой, какого ты ищешь, – сказал князь, сдерживая улыбку. – Поезжай смело с Еремой в его лесную берлогу. Можешь погостить там одну седмицу¹¹. Ерема тебе покажет все: и как он ставит ляпцы на ряпов¹², и как ловит западней лося и оленя. Он же научит тебя различать в чаще медвежье логово и узнавать по следам, какой зверь прошел. А твой дядька Афанасий Тыря все же с тобой поедет, нельзя тебя оставлять без заботливого глаза. Можешь взять с собой пегого мерина и еще одного конька для выюков.

Александр бросился к своему степенному, всегда строгому отцу, упал на колени и припал к его большой и сильной руке:

– Спасибо, батюшка! Обещаю тебе привезти домой медвежью шкуру. Только позволь побыть у Еремы еще деньков с пяток.

– Не надо мне, сынок, от тебя никакой медвежьей шкуры! Смотри лучше, чтобы свою привезти домой без изъяна... А ты на коне приехал или прибежал пешой? – обратился князь к охотнику.

– На твою милость надеялся и приехал на Гнедке. Мучки и жита удели мне толику, княже господине. А уж я отблагодарю тебя к осени бортыным медом. Вот из-за этой мучки я еще и

---

¹¹ Седмица – семь дней недели.

¹² Ляпцы на ряпов – ловушки на рябчиков.

кобылку свою захватил. А то стежками через болотца я пешой враз бы пробежал, где коню и не пройти.

– Ладно! Скажи ключнику, чтобы из клетки муки тебе, и жита, и соли отпустил сколько понадобится и для тебя, и заодно для княжича с дядькой.

Охотник тряхнул седыми космами и поклонился, коснувшись пальцами пола:

– Благодарю за щедрую милость, княже! Дозволь только молвить: ежели княжич хочет на лесных зверушек взглянуть поближе своим очима, то пусть червлёные¹³ сапожки дома повесит на гвоздок. Лесной зверь сторожкий: сразу почует и на хвое и в мураве духовитый след от сафьянового сапожка. Оттого я и хожу по лесу в пошевнях¹⁴ из сурковых шкурок.

– Ладно, всякому охотничьему обычаю сына научи... А ты постой, Олекса! Будет тебе от меня вот ещё какой приказ. Получил я слезное моление от неведомого мне книжника Даниила. Он для покаяния содержится в монастырском выселке на Черном озере, неподалеку от того места, где живет охотник Ерема. Так вот, тебе я поручаю поехать на это Черное озеро, разыскать там книжника Даниила и выяснить, что это за человек. Не верь одним чужим слухам, а сам поговори с ним и затем, если признаешь нужным, приведи его сюда, ко мне. Понял?

– Понял, батюшка, и все сделаю, как ты сказал.

На следующий день Александр выехал верхом на упитанном меринке с крутой шеей и черным хвостом. За ним следовал старый дружинник Афанасий Тыря на коне, нагруженном кожаными переметными сумами. Путь указывал Ерема, ведя за конец недоуздка старую рыжую кобылу, тоже с мешками на деревянном самодельном седле. Большой черный с подпалинами пес Буян, загнув крючком хвост, бежал впереди, огрызаясь и трепля на ходу собак, бросавшихся с лаем из всех подворотен.

Александр, ликуя, напевал веселую песенку и с довольным видом посматривал на свои всунутые в стремяна длинные ноги, которые ему тщательно обернул звериными шкурками опытный охотник Ерема.

---

¹³ Червлёные – темно-красного цвета.

¹⁴ Пошевни, или постолы – мягкая обувь без каблуков, сшитая из невыделанной шкуры.

В лесной глуши

Избенка Еремы затаилась в самой глубине густого леса. Пришлось обойти много болот по тропкам, известным только старому охотнику. Изба, сложенная «в лапу» из необтесанных грубых бревен с обрубленными сучьями, была крыта не соломой, а тоже прочными бревнами. Ерема объяснил княжичу, почему у нее такой вид:

– Медведи влезают на избу-то и скребут когтями – всё норовят крышу отодрать. Потому я и сложил ее подбортнее.

Из избы выбежала девушка лет пятнадцати, с белокурой косой и ясными серыми глазами. Пестрядинный сарафанчик подпоясан цветной тесемкой, на шее пестрые бусы.

– Устя, принимай гостей! – крикнул Ерема. – Сам княжич Александр из Переяславля к нам пожаловал. Стаскивай бабку с печи, пушай огонь раздувает.

Девушка остановилась, обдергивая сарафанчик, степенно подошла к отцу и стыдливо поцеловала его в плечо, искоса поглядывая на Александра.

– Сейчас разбужу бабку, – прошептала Устя и убежала в избу.

Невысокая почерневшая дверь жалобно закрипела; на крыльцо вышла мелкими шажками сгорбленная старуха, повязанная темным платком. Она упала на колени, коснувшись головой земли.

Александр соскочил с коня, подошел к старухе и помог ей подняться. Прикрывая от солнца глаза морщинистой рукой, она пристально вглядывалась в лицо княжича.

– Жить тебе и здравствовать много лет! Устя баит, что ты сынок князя нашего Ярослава Всеволодовича. А я и деда твоего, князя Всеволода Юрьевича, знавала. Когда он в нашу глухомань на охоту приезжал, я блинками его потчевала. И ты в него пошел – добрым молодцем растешь.

Александр вслед за Еремой, согнувшись, вошел в избу. Половину ее занимала большая печь. Лавки тянулись вокруг темных стен. В красном углу, убранный узорчатым полотенцем, висел закоптелый образок, писанный на покоробившейся дощечке. Под бревенчатым потолком на бечевках сушились пучки целебных трав.

– Мою хозяйку Бог прибрал. За нее теперь Устя и бабка хлопочут. Ты, княжич, посиди маленько, пока нам к столу соберут.

– Неохота сидеть. Пойду лучше ноги размять да посмотрю, какое твое хозяйство.

В углу избы стояло несколько рогатин. Железные лезвия на концах, отточенные до блеска, были искусно прикручены к древку толстыми жилами. Александр выбрал себе по руке легкую рогатину и с ней вышел. Столкнулся на крыльце с Устей, которая нацепляла на коромысло деревянные ведра. Они переглянулись. Тыря, расседывая коней, сказал:

– Подожди меня, Ярославич, и я с тобой пойду. Далеко ль до беды в таком медвежьем углу!

Александр вспыхнул. Ему совестно стало перед Устей.

– Мы не в Переяславле! И батюшкины тревоги позабудь!

Около избы, окруженной плетнем, протянулся небольшой огород. Там зеленели стебли гороха, редьки, лука и расплзлись по грядкам шершавые листья огурцов. Посмотрев, куда пошла Устя, Александр направился в другую сторону. Сразу между старыми елями начинались сплошные заросли орешника, бузины, дикой смородины и малинник, окруженный буйно растущей высокой крапивой.

Продравшись через кусты, Александр увидел тропинку и пошел по ней. Она вилась среди густых, ветвистых деревьев и привела его на холм с высокими, голыми, как свечи, соснами. На них сохранились только небольшие кудрявые верхушки. Александр остановился и прислушался. Откуда-то доносилось заунывное, протяжное пение. Сойдя с тропинки, Александр

осторожно пошел на эти звуки. Открылась полянка, окруженная кольцом густых елей. Посреди тлел костер. Сутулый старичок с седой бородой, в длинной белой рубахе ниже колен и новых лыковых лапотках то и дело подкидывал в огонь сушеные стебли трав и еловые ветви. Они тлели, трещали в тихом воздухе, и душистые клубы сладкого дыма тянулись к небу.

По обе стороны полянки стояли, слегка наклоненные к середине, большие пузатые деревянные столбы. Александр догадался, что это древние Боги, языческие истуканы. Он не раз о них слышал, а сейчас видел впервые.

Человеческие по пояс фигуры, грубо вырубленные в бревне, со сложенными на животе руками, смотрели выпученными глазами, повернув страшные лица в сторону огня. Истуканы были раскрашены яркими красками. Около одного из них сидели рядом на траве женщины в причудливых головных уборах и белых одеждах, расшитых красными и зелеными тесемками, с цветными костяными бусами на шеях.

Обняв руками колени и раскачиваясь из стороны в сторону, они протяжно и заунывно пели.

Александр бесшумно попятился и спустился с холма. Другая тропинка повела его к речке, извивавшейся среди зеленых кустов. Стая уток, громко хлопая крыльями, взлетела и унеслась через прогалину. Усти не было видно, и княжич вернулся в избу.

Нежданная беда

Александр с Еремой исходили все окрестности. Старый охотник показывал западни, силки и петли, поставленные на белок, лисиц, соболей, куниц и других обитателей леса.

– А разве ты их не бьешь стрелами? – спросил Александр.

– Одними стрелами не проживешь. Иной раз десяток дней проходишь по лесу и ни единого зверушки не встретишь. А ляпцы и без меня свое дело сделают и уж кого-нибудь мне да подарят – иной раз даже соболя либо куницу, а с ними и счастье привалит. В верховьях речки, среди самой глухой чащи, лежит моховое бездонное Черное озеро. Выход из него запрудили бобры, но попросту до них не доберешься и, чтобы разыскать их плотины и жилье, надо наперед добыть колдовской корень. Даже зимою это озеро паром дышит. Сколько охотников утонуло, пробираясь через трясину, и не перечесать. А ведь бобра убить – доброго коня добыть.

Дружинник Тыря первый день попробовал ходить с ними, но вскоре взмолился:

– Я же весь изрублен в ратных боях, и прежней легкости в ногах нет. Где мне за тобой угнаться? Позволь мне, княжич, коней стеречь да на солнышке греть старые кости. А тебя Ерема сам устережет.

– Грейся, грейся, Афоня! За меня не бойся! – ответил Александр, радуясь внезапно открывшейся свободе.

Много чудес и тайников почти первобытного бора показал Ерема Александру. А тот не знал устали: все ему здесь казалось занятым, привлекательным и важным. Они выходили и на рассвете, и под вечер. Все ляпцы и западни надо было обойти, проверить и не упустить ни одного дня, иначе сороки и хорьки могут вмиг исклевать или изгрызть попавшую в силочку белку, а то и соболя.

В ту памятную ночь шел непрерывный дождь. Падавшие капли шуршали по листьям, как бесконечный шепот затаившихся людей. С вечера Ерема ушел, обещав вернуться к утру. На рассвете дождь прекратился, тучи унеслись, небо стало ясным и веселым.

Александр, взяв рогатину, углубился в ту сторону леса, откуда должен был вернуться Ерема. Тропки спутались, и княжич долго брел новыми для него местами. Упавшее поперек тропы дерево с рыжим клоком шерсти пробиравшегося здесь неведомого зверя и другие лесные великаны, сломанные или вырванные с корнем, говорили о недавней грозной буре, пронесшейся над лесом.

Александр старался идти бесшумно, мягко ступая по сырой, скользкой траве, прислушиваясь к каждому шороху и к разнообразным птичьим голосам, перекликавшимся в густой чаще. Иногда он садился на пенек и, безмолвный, зачарованный, следил, как перелетала с дерева на дерево проворная белка, как степенно ползал, деловито постукивая клювом по стволу, черный дятел или пестрые маленькие птички, оживленно чирикавая, ссорились на ветках совсем близко от него.

Он пробирался так тихо, что увидел, как по краю оврага невдалеке прошел гордый олень, склонив голову с ветвистыми рогами, и, спокойно пощипывая свежие листочки, скрылся, не заметив человека.

Ерема не раз указывал ему свои «приметы» и «затесы», сделанные на стволах деревьев, по которым в дремучем лесу можно было найти заветные охотничьи места, а также обратный путь к дому.

Но в этот день Александр потерял тропу и все затесы и приметы и долго плутал, пробираясь сквозь незнакомую чащу.

Станный шум привлек его внимание. Осторожно раздвигая ореховые кусты, он увидел впереди грудку валежника. За нею чернела большая глубокая яма. Шум слышался оттуда. В ней то подпрыгивала, то исчезала рыжая спина большого зверя. С радостно забившимся сердцем,

сжимая рогатину, Александр стал подкрадываться, как вдруг гнилой валежник под ногами проломился, и княжич полетел куда-то вниз. Там, на дне глинистой, намокшей от дождя ямы-западни, он оказался вдвоем с высоким горбатым теленком сохатого¹⁵.

Длинноногий зверь, увидев своего недруга – человека, стал изо всех сил прыгать, стараясь выбраться из ямы, но глинистая, сырая почва обрывалась под копытами, и лосенок сваливался обратно. Тогда, обезумев от страха и злобы к человеку, он бросился на Александра с такой яростью, что подмял его под себя и начал топтать передними острыми раздвоенными копытцами. Борьба становилась долгой и ожесточенной. Александр, собрав последние силы, старался подняться, заслоняя от ударов лицо, и наконец, изловчившись, вытащил нож из-за пояса и всадил его лосенку в бок, но сам тут же упал под тяжестью навалившейся на него туши.

Только к вечеру его нашла Устя. Обеспокоенная, что княжича долго нет, вместе с собакой Буяном она бегала по лесу и звала Александра. Чуткий пес по следам привел ее к западне, и Устя увидела рыжую спину убитого лосенка, придавившего залитого кровью княжича.

Спустив в яму жерди, она помогла очнувшемуся Александру выбраться и довела до ручья. Там обмыла и вытерла своим платком кровавые ссадины, перевязала разбитую голову. Долго сидели они рядом на мшистом берегу, обсуждая, что делать, чтобы дружинник Тыря не поднял шума.

– Теперь твой дядька, наверное, захочет отвезти тебя немедленно назад в Переяславль?

– А ты б не хотела, чтобы я сейчас уехал? – спросил Александр, пытливо вглядываясь в лицо девушки.

Устя вспыхнула, потупилась.

– У нас ведь скоро праздник Ивана Купалы. Будут гулянки и сбеганья. Девки и парни станут всю ночь песни петь, хороводы водить, костры жечь и через огонь прыгать. Венки по воде пускать, чтобы узнать свою судьбу. Может, и ты захочешь по лесу побродить? Коли счастье придет – найдешь цвет огненный папоротника-купальника.

– С тобой вместе, пожалуй, найду. – Александр поднялся. – Прежде чем в избу вернемся, с меня этот платок сними. Негоже мне в девичьем платке отцу твоему показываться.

Устя развязала окровавленный платок и налепила на голову Александра большие прохладные листья мать-и-мачехи, прикрыв ими ссадины. Придерживая листья рукой, а другой опираясь на рогатину, Александр медленно заковылял по тропинке.

Устя старательно выполоскала свой платок в ручье, затем догнала хромавшего Александра, но, подходя к дому, отстала и следила за ним издали, прячась за деревом.

---

¹⁵ Сохатый – лось.

В ночь под Ивана Купалу

Всегда спокойный дружинник Афанасий Тыря крайне всполошился, увидев израненного питомца. Ерема давно вернулся и уже несколько раз выбегал в лес и аукал, призывая Устю и молодого гостя.

Александр поднялся в избу, бормоча:

– Пустое! Скоро заживет...

Он долго сидел на скамье под образами и отмалчивался, пока Ерема с бабкой перевязывали ему голову тряпицами, смоченными отваром из лечебных трав. Тыря охал и причитал всхлипывая:

– Что-то мне теперь будет! Твоя головушка заживет, а моей, горемычной, целой не бывать! Разгневается князь-батюшка и сошлет меня по гроб жизни моей на Черное озеро – не уберег я тебя, Олексанька!

Стиснув зубы, стараясь скрыть острую боль, Александр сказал:

– Хватит тебе скулить! А на озеро вскоре мы оба поедем. Перед тобой, Ерема, я повинюсь: западню ты копал на оленя али на медведя, а свалился-то в нее по недосмотру я сам, тетеря!

И Александр рассказал, как он упал на лосенка-годовика, как тот его чуть не забил острыми копытцами и как ему пришлось, чтобы самому не погибнуть, заколоть его ножом.

Ерема качал головой:

– Говорил я тебе, княжич: зорко посматривай на затесы, что я на деревьях метил. А лучше не ходи ты один! У меня ведь западни изготовлены повсюду и на всякого зверя... Долго ль до беды. Ладно еще, что не на медведя ты свалился. А тушу лосиную я из ямы немедля достану, а то ночью волки ее почуют и сожрут. Зато теперь я попотчую тебя вареным лосиным языком и поджаренной печенкой. Устя, приведи поскорей с поскотины¹⁶ коня – поеду за лосенком.

Александр пролежал на медвежьей шкуре три дня и три ночи в сильном жару, метался и бредил. Все его избитое тело нестерпимо ныло. Тыря, бабка и Устя поочередно сидели возле княжича, подавая ковш с квасом или смачивая его пылающую голову студеной водой.

Подошла ночь под Ивана Купалу. Александр очнулся. В раскрытое оконце падал жемчужный луч месяца, освещая расшитый красными узорами край Устиной рубахи. Девушка тихо сидела на скамье и сучила бесконечную нитку из льняной кудели.

– Где я? – спросил, с трудом приподнимаясь, Александр.

– Ох, Олексаша, – сказала Устя, – не вовремя ты захворал! Чаяла я с тобой в лес пойти сегодня искать огневой купальный цвет. Слышишь, как уже по лесу гуляют наши девушки, счастья ищут?

Княжич прислушался: где-то далеко звенели веселые песни и перекликались девичьи голоса.

– А где у вас костры жгут?

– Недалече. Там, где Перунова горка.

В избу вошел Тыря и прошептал, наклоняясь к Усте:

– За тобой там подружки пришли. Зовут на гулянку. Ты к ним ступай, а с княжичем я посижу.

Александр воскликнул:

– Невтерпеж больше лежать!.. Ступай себе, Устя! Со мной Афоня посидит и расскажет что-нибудь.

---

¹⁶ Покотина – огороженный жердями в лесу участок, где пасется молодняк: телята, жеребята.

Отодвинув в угол прялку, Устя со вздохом выскользнула из избы. Потом слышались молодые голоса, звонкий смех и песня, постепенно затихавшая вдали.

Среди ночи Александр встал, разбудил дремавшего на скамье Тырю, и вместе они вышли в темноту. Держась за дружинника, княжич медленно шел лесом. Знакомой тропинкой они подошли к Перуновой горке. Ее легко было найти: оттуда слышались песни, сквозь деревья мелькали отблески огней. Раздвигая кусты, Александр приблизился и замер, ухватившись за дерево. Вокруг раскрашенных истуканов двигался хоровод. То он разбивался на пары, то вновь смыкался и шел в обратную сторону. Княжич с завистью, мысленно проклиная так не ко времени приключившуюся с ним хворобу, наблюдал, как плавными движениями скользили девушки и лихо отплясывали парни.

Он заметил, что Устя, с венком цветов на голове, шла рядом с кудрявым, веселым молодцом. Она беспечно распевала и задорно смеялась. Оба взяли за руки и быстро побежали кругом полянки, где посредине пылали красные огни и пары перепрыгивали через пламя. На мгновение они скрылись в густом дыму, перескочив через костер, потом снова смешались с толпой.

Утром Александр приказал седлать коней. Бабка уже сварила лосиный язык и приглашала откусывать дичинки. Княжич торопился и хмурился, стараясь не смотреть на Устю.

Они выехали, когда солнце ярко светило и лес звенел от гомона птичьих голосов. Влажным блеском сверкали обрызганные росой зеленые листья. Впереди весело бежал Буян, обнюхивая следы.

Александр, стиснув зубы, преодолевая ноющую боль во всем теле, сидел на коне, надвинув соболью шапку до самых бровей. За поскотиной, на песчаном бугре, стояла Устя в длинной белой рубаше с ярко расшитыми красными цветами на широких рукавах. Доехав до поворота, Александр оглянулся. Она махнула ему рукой.

– Прощай, лесовичка! – крикнул княжич.

– Прощай! Приезжай опять! – откликнулась Устя.

К вечеру всадники добрались до озера. Нашли утлый челнок, выдолбленный из цельного ствола. Коней взялся стеречь вместе с Тырей старый рыбак, обещавший также сварить ушицу к возвращению княжича с острова. На расспросы о том, кто живет на островке Затерянном, рыбак объяснил:

– Не про Даниила ли Острословца ты спрашиваешь? Есть у нас такой; то ли мних, то ли калика перехожий, то ли юродивый. Очень скудно живет, бедует, а красно говорит про всякие земли и диковинные народы. Всюду он побывал, все видел. Я его иной раз подкармливаю рыбешкой али сухарями, чтобы не голодал. Там, на острову, в часовенке, ты его и найдешь.

Княжич с Еремой поплыли через озеро на старом, валком челноке. Ерема, сидя на дощечке-распорке, сильно и умело загребал широким веслом то справа, то слева и покрикивал на Буяна, который увязался за ними, и теперь, стоя на высоко выгнутом носу челнока, дрожал мелкой дрожью, видя вблизи стаи диких уток, низко проносившихся над водой.

Вдали какие-то люди на двух больших набойных¹⁷ лодках вытаскивали из воды длинный бредень, и серебристые рыбки, захваченные сетью, бились и трепетали, ярко поблескивая на солнце.

– Это чернецы здешние рыбкой промышляют, – пояснил Ерема. – Кажись, и сам старшой с ними.

---

¹⁷ В древние времена лодки (челны, лодейки) выдалбливались из одного цельного дерева. Были еще лодки «набойные», у которых на краях набивались вверх по несколько рядов доски («набой»). Такие лодки могли поднять двадцать-сорок человек. Доски скреплялись деревянными гвоздями и просмаливались.

Даниил Острословец

На затерянном среди старого леса уединенном озере поднимался в середине небольшой островок. Обомшелые скалы образовали причудливую грудку, похожую на развалины древнего рухнувшего храма. На берегу чернела ветхая избенка с покосившимся крестом на очелье крыши. Неподалеку паслись несколько белых и одна черная коза.

Высокий, очень тощий человек в черной камилавке и длинном выцветшем подряснике вышел из двери, с торжественным видом неся перед собой пустую деревянную кадку. Он шел медленными шагами, высоко поднимая ноги, точно переступал через порог.

Увидев подходившего Александра, тощий человек остановился, удивленно всматриваясь, затем быстро поставил кадку на землю и, словно переломившись, поклонился в пояс. Потом он стал неподвижно, сложив руки на животе.

Александр направился к избе и, нагнувшись, вошел в нее. Это была молельня. Солнечный луч через раскрытую дверь осветил несколько икон, написанных на покоробившихся досках. Перед ними на трех шнурах висела, коптя, глиняная лампадка с конопляным маслом.

Рядом, на аналое, сбитом из грубо обтесанных жердей, лежала большая развернутая книга с пожелтевшими, на углах замусоленными страницами.

Оглянувшись и видя, что никто не следует за ним, княжич, перемогая боль и сдерживая стоны, опустился на колени перед образом и, широко крестясь, трижды поклонился, коснувшись земляного пола, устланного свежими еловыми ветвями. Шепотом он стал молиться:

– Святая Мать Божья! Земно кланяюсь тебе за то, что, осенив покровом своим, ты уберегла меня от гибели под острыми копытами глупого теляти лосиною! Не оставь меня и дальше милостью своей и защити и от зверя лютого, и от врага неведомого! Обещаю тебе, святая Мать Божья, сотворять милость без меры тому, кто попросит у меня жалости, правды и защиты...

Александр с трудом встал и, стараясь держаться прямо и гордо, вышел из молельни.

Возле входа Ерема шептался с человеком, несшим кадку. Они замолкли, и неизвестный снова переломился, поклонившись до земли.

– Выслушай меня, княже, мой господине! – жалобным голосом завопил он.

– Кто ты? О чем твоя забота? – Александр засунул руки за ременный пояс и остановился. Он увидел перед собой длинный нос с горбинкой, мохнатые брови, впалые щеки и дрожащие сухие губы.

– Ржа ест железо, а печаль – ум человеку. Печальну человеку засохнут кости. Тем и аз вжадах милосердия твоего...

Александр более внимательно и пытливо взглянул на странного просителя и, стараясь сдержать улыбку, глубже надвинул меховую шапку на правую бровь.

– Помяни мя, в неисправном вретнице¹⁸ лежащего, зимою умирающего и каплями дождевыми, яко стрелами, пронизаема...

– Говори мне вразумительно! – прервал княжич. – Кто ты? Как твое имя? И о чем ты просишь?

– Не слушай ты его, княже, мой господине! – раздался ржавый, хриплый от злости голос пожилого монаха с седой растрепанной бородой. Он быстро подходил со стороны, придерживая рукой большой крест, висающий на груди. – Это суеслов, великий грешник. Всех-то он осуждает! – продолжал монах, задыхаясь от ходьбы. – Он прислан сюда для покаяния и должен в посте и молитвах просить Господа об изгнании из него духа гордыни и грешных помыслов... Остерегайся его, княже, мой господине! – Монах, держа в руке медный крест, выдвигал его,

---

¹⁸ Вретнице – рубище, убогое платье.

ожидая, что Александр приложится. – Отойди отсюда, нечестивец! – махнул он рукой на просящего бедняка.

Александр, стараясь сохранить достоинство, подобающее сыну знатного князя, не торопясь подошел к монаху и, перекрестясь, поцеловал его медный крест. Затем отступил на шаг и сказал громко и резко:

– Повремени, отец! Не с тобой нынче я речь веду. Скажешь, когда твой черед придет... Ты кто? – обратился он снова к просителю. – Чернец или послушник?

– Даниил, холоп, раб холопа, – скорбное имя, мне от юности дарованное. Аз не в Афинех ростох, ни от философ научихся, но бысть падая, аки пчела по различным цветам и оттуда избирая сладость словесную. Како речеши, княже! Мне ли, недостойному, пострижчися в чернцы? Лучше мне тако в скудости скончати живот свой, нежели, восприимше ангельский образ, Богу солгати! – И он направил указательный палец на монаха.

Старый монах воскликнул:

– Отврати очи твои от него, княже! Обычаем он зловреден. Да разве святой владыка наш допустит его к приятию сана? Ступай, ступай скорее отсюда, мерзкий человек! – с яростью обратился монах к покорно стоявшему просителю, пытаясь его оттолкнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.